

ЭО, 2008 г., № 3

© А. Т. Марутян

**ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ГЕНОЦИДА В КОНТЕКСТЕ
РИТУАЛОВ ПАМЯТИ АРМЯНСКОГО НАРОДА**

В 1894–1922 гг. в результате погромов и геноцида армян, осуществленных османской Турцией, было уничтожено около 2 млн армян, Западная Армения была очищена от ее коренных жителей, государственность же была воссоздана только лишь на десятой части территории исторической родины. В результате огромных, невосполнимых человеческих и территориальных потерь армянский народ лишился значительных культурных ценностей, был развезен по всему миру, а пережитая трагедия оставила неизгладимый след на психологическом складе армян, привела к появлению нового мощного слоя коллективной и исторической памяти, который отличается глубокой эмоциональностью и длительным воздействием.

В Армении, после установления советской власти в ноябре 1920 г., разговоры о геноциде постепенно умолкли, упоминание об армяно-турецком противостоянии не поощрялось. И вообще, все сугубо национальное понемногу приобретало отрицательный оттенок. Но постепенно в атмосфере революционного строительства стали звучать отголоски "забытого" прошлого. Первый этап изображения национальной трагедии в литературе Советской Армении начался благодаря художественному отображению воспоминаний детства: писатели, пережившие геноцид, потерявшие родину, – В. Тотоевц, З. Есяян, Г. Маари – вспоминали свое детство, родные места без желания описывать сам геноцид. По оценке специалиста, 1920–1930-е годы можно считать этапом воспоминаний в художественном отображении национальной трагедии (*Егизарян* 1990: 36–38). Однако литература, созданная на основе воспоминаний о пережитом, должна была в конце концов уступить место другим подходам, что проявилось, в частности, в ряде произведений А. Бакунца и Е. Чаренца.

После Великой Отечественной войны память о национальной трагедии иногда как будто исчезала, но при первом же удобном случае опять давала о себе знать, например, в некоторых произведениях Х. Даштенца, Г. Маари, Х. Тапалцьяна, Л. Таргюль, Г. Сарьяна, в изданиях Чаренца, Бакунца, Д. Варужана, Сиаманто. Таким образом, бурное развитие национальной тематики, которое наблюдалось в армянской советской литературе 1960-х годов, началось не с нуля (подробнее см., напр.: *Хачатрян* 2006). Появившиеся произведения отличало новое и более высокое качество, обусловленное хрущевской "оттепелью". Это высокохудожественные работы П. Севака, О. Ширазы, С. Капутикян, Г. Эмина, Р. Кочара. В результате изменения внутривнутриполитической обстановки и определенного свободомыслия в отношении темы геноцида, возникшего благодаря литературе, в апреле 1965 г., когда отмечалось 50-летие геноцида, в Ереване прошли массовые волнения, которые были в то время довольно необычным явлением для Советского Союза (*Аракелян* 1996; *Арутюнян* 2005). Эти выступления, а также последовавший за ними стремительный рост интереса к теме геноцида в литературе и искусстве свидетельствовали о том, что память о геноциде, несмотря на официальную политику замалчивания, продолжала жить в душах и сознании людей. Но в этой памяти армяне фигурировали исключительно как невинные жертвы, которые потеряли большую часть своей исторической родины и нуждаются в сочув-

ствии. Несмотря на то что писатели в своих произведениях выходили за рамки воспоминаний детства, описаний отдельных эпизодов геноцида и вооруженного сопротивления армян и охватывали более широкую политическую панораму, свободное отражение темы национально-освободительной борьбы, деятельности героев-фидайнов и независимости Армении, с идеологической точки зрения, оставалось под негласным запретом (подробнее см.: *Егизарян* 1990. Ср.: *Капутикян* 1973: 173).

Основное содержание произведений этого периода характеризуется призывом к "мирной мести" Сильвы Капутикян в поэме "Размышления на полпути": "Ты должен отомстить, продолжая жить" (*Капутикян* 1961: 112)¹. Этот призыв фактически явился художественной формулировкой политики государственной идеологии в отношении памяти о геноциде (обсуждение этого призыва см.: *Тер-Минасян* 2001: 180–185).

Характерно, что во время 100-тысячного митинга и шествия 24 апреля 1965 г., посвященных 50-летию геноцида и ознаменовавших "национальное пробуждение"², транспарантов практически не было: в руках у митингующих были два–три плаката, содержавших призыв к справедливому решению армянского вопроса³. На одном имелась надпись: "Верните земли", другой – с контурами Большого и Малого Арарата гласил: "Справедливо решите Армянский вопрос" (*Армен* 1991). По свидетельству очевидца, митингующие «молодые люди несли плакаты с крупно написанными лозунгами: "Требуем справедливого решения Армянского вопроса", "Армянский вопрос не имеет срока давности", "Требуем возврата отнятых у нас земель". Три звука (слога), сорвавшиеся с губ тысячи людей и спустившиеся с плакатов, пронесли над шагающими рядами: "[На'ши] зе'м-ли", "[На'ши] зе'м-ли". Двое молодых людей несли кусок сатина, на котором неумелой рукой было написано: "Справедливо решите Армянский вопрос"» (*Капутикян* 1973: 70, 77).

Имелся один большой транспарант, который несли впереди многотысячного шествия и на котором только стояли дата 1915 г. (год, когда случился геноцид) и число жертв – 2 млн. Небольшое количество транспарантов, пожалуй, объясняется тем, что эти выступления не успели перерасти в народное движение.

Общими усилиями партийного руководства и интеллигенции Армении в 1964–1965 гг. были приняты решения ЦК КПСС и ЦК КП Армении о сооружении памятника "армянам, павшим в годы Первой мировой войны". Тогдашний руководитель компартии Армении Я. Заробян в письме, адресованном в ЦК КПСС, обосновывал проведение мероприятий, посвященных 50-летию геноцида, среди прочего и тем, "чтобы в истории народов не повторялись подобные трагедии" (*Арутюнян* 2005: 11, 30–36, 40, 48, 64). Заметим, что именно с начала 1960-х годов в Советском Союзе начали строить мемориальные комплексы, посвященные победе в Великой Отечественной войне, например, памятник-ансамбль Героям Сталинградской битвы в Волгограде (1963–1967 гг.), памятник Неизвестному солдату на Красной площади в Москве (1965 г.) и др. (*Конрадова, Рылеева* 2004: 138–139). Таким образом, мемориальный комплекс жертвам геноцида так или иначе вписывался в ряд построек памятного характера, начатых в те годы⁴.

В 1965–1967 гг. в Ереване, на красивом холме Цицернакаберда (что характерно – далеко от центра города) в довольно короткий срок был построен мемориальный комплекс (Открытие памятника 1967)⁵. 24 апреля 1968 г. народ вышел не на центральные улицы и площади столицы, а организованными колоннами двинулся на окраину города, чтобы возложить цветы и венки к памятнику жертвам геноцида. Так массовые выступления 24 апреля 1965 г. в последующие годы трансформировались в неофициально разрешенные траурные шествия. С середины 1970-х годов эти шествия фактически возглавляли руководители компартии и правительства Армении (У памятника 1975), которые рано утром первыми возлагали венки к памятнику, придавая тем самым (а также минутой молчания) государственное звучание мероприятиям, посвященным памяти жертв геноцида.

* * *

Исследование различных материалов позволяет сделать вывод, что кладбища у армян⁶ традиционно были расположены либо в центре поселения (недалеко от церкви), либо на его окраине и даже на некотором отдалении, но, как правило, на холме. Этой традиции, с некоторыми несущественными отступлениями, придерживались и в советское время. Серьезным изменением в планах поселений в указанные десятилетия было то, что со "священным" центром соседствовали административные постройки и здания культурного назначения (контора колхоза или сельсовета, дом культуры, школа и др.).

В советские годы функции кладбищ в определенной степени приняли на себя постройки, предназначенные для почитания памяти погибших. Так, памятники и мемориальные комплексы, посвященные героям Великой Отечественной войны, как правило, строились в светском центре поселения, рядом с ним или же на ближайшей высоте (холме) (напр. см.: *Элларян 1976*). Эта закономерность наблюдается не только в маленьких, но и в больших населенных пунктах. Например, рядом со зданием горсовета Еревана (позднее – Спандарянского райкома КП Армении и исполкома) были расположены памятники, посвященные борцам за установление советской власти в Армении, героям майского восстания 1920 г. Непременным атрибутом некоторых мемориальных комплексов был вечный огонь. Создавалось впечатление, будто покойники следят за живыми, а последние чувствуют их "присутствие".

На памятниках погибшим в войне довольно часто высекались имена героев. В Армении с этим явлением наиболее часто мы сталкиваемся в сельских поселениях. Именно имя погибшего делает памятник для семьи и родственников погибшего (особенно когда он похоронен далеко, не имеет могилы или считается пропавшим без вести) местом, равнозначным могиле. Они приходят к памятнику не только для того, чтобы отдать дань уважения группе погибших, но и как бы посетить могилу *своего* родственника⁷. То же наблюдается и на кладбищах, где на надгробных плитах высечены имена и фамилии усопших.

К концу Великой Отечественной войны получил большое распространение своеобразный тип памятников небольшого размера – родники-памятники. Характерно, что имеющие различный стиль и покрытые резьбой, а нередко и лапидарными надписями, эти памятники, со структурной точки зрения, фактически повторяли традиционные хачкары (крест-камни) и представляли собой своеобразные "советские хачкары". В случае с хачкаром композиция креста с деревом жизни и растительным орнаментом символизировала живучесть креста. На родниках-памятниках, исходя из коммунистических идеологических ограничений, эту роль играла вода, дарующая жизнь, а затем растительный орнамент. Культура родников-памятников, имеющая довольно большое распространение, переместившись на городские тротуары и в городские дворы, переросла в культуру фонтанчиков, а чуть позже – фонтанчиков-памятников. И в настоящее время фонтанчики пресной воды ставятся не столько для того, чтобы люди могли утолить жажду, сколько для увековечивания памяти погибших в Карабахской войне солдат или рано ушедших из жизни соседей, товарищей, просто близких людей, тем самым фактически выполняя функции традиционных хачкаров.

Памятники или мемориальные комплексы, посвященные погибшим в годы Карабахской войны, также располагаются либо в центре поселения (иногда – в непосредственной близости от памятника погибшим в Великой Отечественной войне), либо на каком-либо холме (например, Ераблур на окраине Еревана). То есть осознанно или неосознанно, но традиция продолжается. В этом контексте ничуть не удивительно и даже вполне закономерно, что памятник жертвам геноцида был построен на холме Цицернакаберд, где, между прочим, еще в 1920-е годы, а также во время строительных работ были обнаружены гробницы позднего бронзового века.

Характерно, что во время апрельской телепередачи 2005 г. один из архитекторов мемориального комплекса Сашур Калашян отметил, что "пьедестал памятника был спроектирован как усыпальница⁸ для 1,5 млн жертв, у которых не было могилы". Также в сообщении прессы об открытии памятника жертвам геноцида отмечалось, что "комплекс включает в себя округлую усыпальницу, имеющую в диаметре 30 метров... В усыпальнице будет гореть вечный огонь в память о жертвах геноцида" (Открытие памятника 1967). Интересно, что в письме видных представителей интеллигенции в президиум ЦК КП Армении (июль 1964 г.) (Арутюнян 2005: 30–36), где говорилось о мероприятиях, посвященных 50-летию геноцида, строительство памятника предлагалось осуществить "на средства населения" (Там же: 25). Заметим, что у армян, в силу традиции, принято благоустраивать кладбища на пожертвования членов общины или просто на средства бюджета колхоза или совхоза, но не за счет государства.

Ниже мы будем рассматривать мемориальный комплекс жертвам геноцида, связанные с ним явления социальной жизни в контексте ритуалов памяти армянского народа. Следует отметить, что по армянскому церковному календарю за каждым великим (двунадесятым) праздником следует день поминовения усопших, когда люди, в частности те, кто именно в этот год потерял кого-либо из родных или близких, ходят на кладбище на могилу родственника. Однако в армянском церковном календаре есть двунадесятый праздник Сурб Хач или Хачверац (Возвращение креста¹⁰), когда посещение кладбища желательно (обязательно) для всех, у кого есть усопшие родственники. Один из ритуалов, традиционно проводимых в этот день на кладбищах, – благословение могил священником. В этом смысле характерно, что люди, как правило, посещают памятник жертвам геноцида тоже раз в году в фиксированный день (24 апреля), и в этот день глава Армянской церкви произносит своеобразное благословение могилы – молитву "Отче наш", стоя рядом с вечным огнем.

В небольших поселках обычно похоронная процессия шла на кладбище, как бы далеко оно ни находилось, пешком. Этот обычай в какой-то степени, особенно в поселениях, приверженных традициям, сохранился и в наши дни. В городах данный обычай нашел своеобразное проявление в том, что в многоэтажных домах люди поднимаются в квартиру, где находится усопший, не на лифте, а пешком. Лифтом пользуются только пожилые люди, и то не всегда. Так же происходит при посещении памятника жертвам геноцида: люди идут к нему пешком, это правило соблюдают даже иностранные делегации, и только в исключительных случаях, когда человек физически не в состоянии преодолеть этот путь (например, папа римский Иоанн-Павел II), он подъезжает к памятнику на машине. Заметим, что во многих селах до сих пор сохраняется запрет на въезд машин на территорию кладбища, в то время как в Ереване указанный обычай не то что бы забыт, а его поощрение стало способом получения прибыли сторожами (и руководством) кладбищ.

На кладбище люди кладут цветы на могилу усопшего, а у памятника жертвам геноцида – вокруг вечного огня или возлагают венки на "базальтовые пилоны... склонившиеся к центру [вечному огню]" (Открытие памятника 1967)¹¹. Вообще, возложение цветов на могилу или к вечному огню в структурном плане, пожалуй, равнозначно вступлению в символическую связь с усопшим, а в широком плане – сохранению памяти о прошлом и умерших, что иногда проявляется и по-иному: прикосновением к могильной плите ладонью или губами (ср. Carr 2003). Во время похорон на кладбище, рядом с вырытой могилкой, кладут фотографию усопшего, которую затем, после похорон, убирают. 24 апреля 1988 г. люди, стоявшие вокруг вечного огня у памятника жертвам геноцида, держали в руках портреты представителей армянской интеллигенции, ставших жертвами геноцида 1915 г., а также фотопортреты жертв Сумгаита. После эти фотографии были положены рядом с цветами вокруг вечного огня. В тот апрельский день, по свидетельству кадров документальной кинохроники, несколько

женщин плакали у памятника, как обычно плачут над могилой усопшего. Фотографии оставались у вечного огня около двух недель.

Ленты с венков, возложенных на могилу, "хозяин" (близкий родственник) усопшего снимает, как правило, на следующий день или спустя 7 или 40 дней и укладывает на могильный холм. В случае с памятником жертвам геноцида ленты убирают сотрудники Музея-института геноцида армян; они хранятся в фондах музея.

В течение последнего десятилетия в задней части базальтовой стены, оформляющей примыкающий к площади ансамбля отрезок аллеи, ведущей к памятнику, в специально сделанных в ней углублениях ставятся "урны" с землей, привезенной с могил людей, снискавших большую признание армянского народа за то, что осуждали погромы армян и выступали в их защиту: Армина Вегнера, Джеймса Брайса, Иоганна Лепсиуса, Франца Верфеля, Генри Моргентау, Анатоля Франса, Фритьофа Нансена, Файеза эль Хосейна и др. В структурном плане это, по нашему мнению, соотносимо с той традицией сохранения и передачи памяти, когда туристы или паломники, отправившиеся в Западную Армению (ныне – Турция), привозят с собой землю с мест, где проживали их дедушки и бабушки, и перемешивают ее с землей на могилах бывших западных армян, умерших с тоской по родине в сердце. Или же привозят землю с могил родственников, погибших в годы Великой Отечественной войны в России или Восточной Европе (ср. с тождественным поведением канадцев: *Carr* 2003: 61–62).

Примечателен ритуал помещения "урны" в стену. В одном из залов Музея-института геноцида армян на небольшом пьедестале ставится "урна", затем директор музея, другие специалисты, люди, желающие выступить, говорят о заслугах данного человека перед армянским народом; священник служит панихиду. Иногда (например, в случае с Генри Моргентау, Фритьофом Нансеном) заранее организуются специальные научные сессии, на которых читаются доклады о жизни и деятельности людей, оказавших помощь армянскому народу. Вниманию присутствующих представляется короткий документальный фильм, в котором показано, как брали землю с могильного холма человека и помещали ее в "урну". По завершении научной конференции или после церемонии в зале Музея геноцида, в 13–14 час. (в Армении традиционное время для проведения похорон) траурная процессия в сопровождении духовного лица направляется к задней части указанной выше базальтовой стены. Причем "урну" несет армянка в национальном костюме, звучит живая музыка дудука, люди несут венки и, как это принято на похоронах уважаемых людей, цветы бросают на землю на протяжении всего пути похоронной процессии. В заранее сделанном углублении в стене торжественно помещается "урна", затем ее закрывают каменной плитой; иногда здесь же служат панихиду. Как видим, описанная выше церемония в структурном плане почти в точности повторяет ритуал похорон, принятый у армян¹².

Каждый год 24 апреля сотни тысяч людей приходят к памятнику жертвам геноцида. По дороге к нему они беседуют на самые разные темы и, как правило, только в непосредственной близости к памятнику умолкают. Заметим, что люди ведут себя подобным образом и во время похорон: на них часто встречаются знакомые, не видевшие друг друга в течение нескольких месяцев, а то и лет; они делятся новостями, беседуют на различные бытовые темы, шутят, вспоминают прошедшие дни, иногда вспоминают те или иные поступки усопшего. При посещении памятника жертвам геноцида, как и во время похорон, люди среднего и пожилого возраста предпочитают надевать строгую одежду темного цвета, хотя в последние годы цвет одежды, кажется, перестал иметь существенное значение.

В доме усопшего во время панихиды звучит музыка в записи, нередко приглашают музыкантов для исполнения живой музыки. То же самое происходит у мемориала жертвам геноцида. Следует сказать, что в последнее время стали традиционными выступления оркестров или хоров у памятника. В этом смысле характерно мероприятие, организованное Программой арменоведческих исследований и Организацией армян-

Траурное шествие к Памятнику жертвам геноцида армян 24 апреля 2001 г. Фото автора.

ских студентов (Armenian Studies Program and Armenian Students Organization), а также преподавательским составом Университета Фрезно (США). Начиная с 1998 г. 24 апреля члены студенческой организации собираются на Площади свободного слова (Free Speech Area), вокруг временно размещенного там макета памятника жертвам геноцида и кладут цветы на металлические плитки; приглашенные армянские дудукисты играют грустные мелодии (*Jabagchourian 1999; Bagdasarov, Ekezyan 2003; Tatoryan 2004; Karkazian 2005; Bagdasarov 2006; 2007*). Заметим, что и на кладбищах, как во время похорон, так и в поминальные дни, принято, чтобы у могилы происходило "живое" исполнение (дудук, зурна, кларнет, доол, пение в сопровождение этих инструментов).

На традиционных армянских кладбищах или в непосредственной близости от них, как правило, находятся часовни, небольшие церквушки. На территории мемориала жертвам геноцида нет часовни¹³, но это "упущение", кажется, осознали, и 24 апреля 2005 г. недалеко от памятника (приблизительно в 50 м) был установлен памятный камень от Первопрестольного Эчмиадзина. На нем сделана надпись: "В связи с 90-летием геноцида армян на этом священном холме Цицернакаберда на *всенародные пожертвования* (курсив наш. – А.М.) будет построена часовня в память о бесчисленных жертвах. Да будут благословенны светлые души полутора миллионов невинных жертв".

В армянском языке синонимом слова "герезманатун" (кладбище) является слово "ангстаран", что означает "место отдыха для умерших", поэтому и считалось недопустимым нарушать покой усопших размещением в непосредственной близости от них светских построек или увеселительных, шумных заведений. Неудивительно, что в начале 1980-х годов большой протест среди общественности вызвало как решение построить на территории Цицернакаберда спортивно-концертного комплекса, так и его последующее строительство: это воспринималось как святотатство. И по сей день время от времени слышатся критические замечания в связи с функционированием у входа на мемориальный комплекс ресторана "Гавана", а в 2005 г. поднялась волна возмущения в связи со строительными работами в непосредственной близости с пантеоном им. Комитаса.

О том, что памятник жертвам геноцида воспринимается людьми как кладбище¹⁴, говорит тот факт, что еще в 1991 г. в непосредственной близости от него было похоронено несколько участников армяно-азербайджанских пограничных боев. Только активное вмешательство властей помешало продолжению этого процесса. Заметим, что в первой половине 1990-х годов около десятка жертв Карабахской войны были похоронены на территории мемориального комплекса, посвященного Сардарapatской битве 1918 г., недалеко от той его части, где находится колокольня. Примечательно, что в непосредственной близости от мемориального комплекса в 1970-е годы была предана земле урна с прахом участника Сардарapatской битвы Вагаршака Шагиняна.

У армян принято устраивать после похорон символические поминки возле могилы усопшего, а затем, в доме покойного, поминальную трапезу с участием нескольких десятков, а то и сотни людей. С этой точки зрения примечательно, что 24 апреля в 2005 и 2006 гг. одна женщина установила на середине дороги, ведущей к памятнику, стол с прохладительными напитками и закусками. На расположенном рядом со столом плакате было написано: "Уважаемые соотечественники, в память о безвинных жертвах Сильва Егиазарян устраивает бесплатную поминальную трапезу". Характерно наличие в этом контексте слова "бесплатная". В городском быту участие в поминальной трапезе, насколько мне известно, не имеет какой-либо связи с платежами. Между тем в сельской местности, где принято сбором денег активно помогать семье усопшего в расходах на похороны (что фиксируется в особых тетрадях), в поминальной трапезе, как правило, принимают участие те, кто так или иначе помогал в сборе денег. Мне известно много случаев, когда люди, не имеющие возможность делать денежные взносы, уклонялись от участия в поминальной трапезе.

Наконец, у армян принято давать какие-то клятвы и обещания над могилой усопшего. Свидетелем подобного случая (которое соотносимо также с устной передачей исторической памяти) мы оказались 25 апреля 2005 г., когда учителя привели к памятнику учеников младших классов в сопровождении родителей. Дети читали молитву "Отче наш" у вечного огня, декламировали патриотические стихи и давали клятву хранить память о безвинных жертвах. Как пример данного явления можно воспринимать, например, возложение 24 апреля того же года к памятнику венка с текстом клятвы: она представляла собой стихотворение "Клятва армянина" (автор – Арсен Амбарян), в котором содержалось обещание, что память о невинных жертвах не будет забыта "до предания их останков земле предков", бороться за освобождение родной земли, за построение могущественной страны и т.п. В тот же день листовки с этим текстом раздавались участникам траурной процессии. Один из пришедших, услышав от сына-подростка содержание клятвы, предложил ему отнести листок своим товарищам, прочитать и поклясться исполнить содержащиеся в нем обещания.

Таким образом, приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в ежегодном шествии к памятнику жертвам геноцида сливаются память и национальный ритуал, превращаясь в своеобразный культ предков.

Примечания

¹ В этой поэме автор почти не останавливается на теме погромов: геноцид – отправная точка для размышлений, но не непосредственный предмет. Автора больше волнует вопрос о будущем народа, в частности, о том, как он должен относиться к темным страницам своей истории (см.: *Егиазарян 1990: 43–44*).

² Год 1965-й вместе с предшествующими и последующими одним-двумя годами можно считать периодом пробуждения национальной *памяти*, так как именно тогда впервые в условиях идеологического давления открыто (насколько это было возможно) говорилось о трагедиях и победах армянского народа за последнее столетие, что раньше считалось проявлением национализма. Однако обвинений в национализме не избежал первый секретарь ЦК КП Армении,

организатор мероприятий, посвященных 50-летию геноцида, Я. Заробян, который спустя год был переведен в Москву "в связи с переходом на другую работу".

³ Под армянским вопросом, ставшим составной частью Восточного вопроса и находившимся со второй половины XIX в. в центре внимания европейской дипломатии, понимается комплекс проблем политической истории армянского народа, связанных с его стремлением к восстановлению государственности на территории своей исторической родины (подробнее см.: Армянский вопрос 1991).

⁴ В этом смысле примечательно восприятие Сильвы Капутикян, отраженное в ее письме руководству СССР в 1975 г.: «А его [памятника жертвам геноцида] значение такое же, как значение памятников в Сталинграде, Освенциме, Лидице, Спаласкисе, Хиросиме, как мемориального комплекса белорусской деревни Хатыни, превращенной фашистами в пепел: "Люди, не забывайте жертв погромов, не допускайте, чтоб они когда-либо повторились в мире"» (*Капутикян* 1973: 142). Есть также мнение, что разрешение Москвы было обусловлено наличием многомиллионной армянской диаспоры, сформировавшейся после геноцида. Армянская диаспора рассматривалась советскими лидерами как средство распространения коммунистических идей в капиталистических странах, и ее следовало задабривать, чтобы она не отвернулась от СССР.

⁵ 40-летию постройки мемориала жертвам геноцида армян была посвящена международная конференция "От памяти к увековечиванию" (Ереван, 2007, 27–28 ноября).

⁶ Часть из приводимых ниже примеров имеет параллели у многих других народов мира, но мы обращаемся исключительно к армянскому материалу. В этом смысле примечательна обширная, богатая сравнениями статья Л. Абрамяна, один из разделов которой (*Абрамян* 2003: 45–48) посвящен взаимоотношению "памятник – надгробие".

⁷ Ср., напр., с памятником погибшим в войне во Вьетнаме (подробнее см.: *Wagner-Pacifici, Schwartz* 1991; *Smith* 1998: 70–71), на черной мраморной стене которого высечены имена около 50 тыс. американских солдат. До сих пор американцы, посещающие мемориальный комплекс, глядят руками высеченные на камне имена родственников, оставляют им письма, сохраняя таким образом символическую связь с усопшими, которые, между прочим, там не похоронены. То есть памятник для них приобрел статус могилы родственника или дорогого сердцу человека. Уже несколько лет, как Музей-институт геноцида армян начал трудную и благодарную работу по составлению общего поименного списка жертв геноцида. Думается, что когда этот список станет целостным, будет целесообразно каким-нибудь образом высечь имена жертв на длинной базальтовой стене в левой части мемориального комплекса. Заметим, что так сделано на многих памятниках жертвам Холокоста. С нашим предложением в какой-то мере сопоставим и другой подход к сохранению памяти, а именно: 24 апреля каждого года обновленные, официально утвержденные списки погибших в резне армян, вложенные в специальные сосуды, предать земле на территории мемориального комплекса (*Арзуманян* 2001).

⁸ Примечательно, что стены упомянутого выше памятника погибшим в войне во Вьетнаме также расположены ниже поверхности земли, из-за чего некоторые сравнивают его с надгробной плитой (*Wagner-Pacifici, Schwartz* 1991: 393–394). Горизонтальное положение этого памятника характеризуется как проявление женского начала, что также воспринимается автором проекта, когда она сравнивает проект с "устремленными вверх мемориальными комплексами фаллического характера" (*Ibid.* 397). С этой точки зрения зал памяти жертв геноцида в форме усыпальницы и "стремительно вытянутый 40-метровый обелиск-шпиль в форме пирамиды", символизирующий возрожденную Армению (формулировка взята из: Армянский вопрос 1991: 121), композиционно воплощают, по нашему мнению, как женское, так и мужское начало.

⁹ Идея восприятия памятника жертвам геноцида как кладбища впервые выдвинута нами в 1999 г. в докладе "Иконография Карабахского движения и трансформация армянской идентичности", прочитанном на ереванской международной научной конференции "Вопросы этнологии Кавказа". Коротко об этом вопросе говорилось также в наших двух последующих публикациях (*Марутян* 2000: 301; 2001: 358–359). Ср.: *Гисперт* 2003.

¹⁰ В 629 г. византийский император Ираклий после победы в "Священной войне" (622–628) над персами вернул вывезенный ими в 614 г. из Иерусалима Святой крест, на котором, по преданию, был распят Иисус Христос. По этому случаю Армянская церковь отмечает праздник Возвращения Христа в первый воскресный день, до или после 14 сентября.

¹¹ Пилоны, склонившиеся к вечному огню, по мнению С. Калашяна, "как-то ассоциативно соотносятся с хачкарами". А первоначальной функцией хачкара, как известно, была функция надгробия. Хачкары возводили и в ознаменование каких-либо важных событий. В этом плане

примечательно, что все три хачкара, имеющиеся на территории мемориального комплекса, посвящены жертвам, а именно жертвам сумгаитских событий (27–29 февраля 1988 г.), Гандзака и погибшим за освобождение Арцаха (Нагорного Карабаха).

¹² Описание ритуала предоставила нам сотрудница Института археологии и этнографии Луисине Хачатрян, много лет работавшая в Музее-институте геноцида армян. Мы выражаем ей свою благодарность.

¹³ Примечательно, что этому предложению "Открытым письмом" (10 мая 2005 г.) воспротивился архитектор комплекса С. Калашян. Его замечание было учтено, но частично: на территории мемориала часовня все-таки будет построена, однако на большем расстоянии от самого памятника, чем предполагалось ранее.

¹⁴ В некоторых случаях группа памятников может восприниматься как кладбище. Так, в Венгрии после свержения коммунистического режима был создан парк-музей памятников социалистического периода, который пресса представила как "кладбище умерших памятников" (*Nadkarni* 2003: 204–205).

Литература

- Абрамян 2003 – Абрамян Л. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // *Acta Slavica Iaponica*. Sapporo (Japan). Т. XX. 2003. Р. 25–49.
- Аракелян 1996 – Аракелян В. 1965 год, 24 апреля // Газета "Айк" ("Армяне"). 1996. 23 апр. № 76 (649) (на арм. яз.).
- Арзуманян 2001 – Арзуманян Г. Память, опрокинутая в будущее // Газета "Новое время". 2001. 24 нояб. № 798.
- Армен 1991 – Армен М. Докладная записка Центральному Комитету компартии Армении // Газета "Гракан терт" ("Литературная газета"). 1991. 6 сент. № 25 (2428) (на арм. яз.).
- Армянский вопрос 1991 – Армянский вопрос: Энциклопедия. Ереван, 1991.
- Арутюнян 2005 – Арутюнян А. (ред.). 50-летие геноцида армян и Советская Армения: Сб. док. и матер. Ереван, 2005 (на арм. яз.).
- Гисперт 2003 – Гисперт Ю. Монумент как инсценировка диалога (этнофилософская интерпретация) // *Вестн. общественных наук* (далее – ВОН). 2003. № 1. С. 217–229 (на арм. яз.).
- Егиазарян 1990 – Егиазарян А.К. Отражение геноцида в советской армянской литературе // ВОН. 1990. № 4. С. 36–47 (на арм. яз.).
- Капутикян 1961 – Капутикян С. Размышления на полпути. Ереван, 1961 (на арм. яз.).
- Капутикян 1973 – Капутикян С. Страницы из закрытых ящиков. Ереван, 1973 (на арм. яз.).
- Конрадова, Рывлеева 2004 – Конрадова Н., Рывлеева А. Герои и жертвы: Мемориалы Великой Отечественной // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 40–41. С. 134–148.
- Марутян 2000 – Марутян А.Т. Армянская поэзия в иконографии идентичности (по материалам транспарантов и плакатов Карабахского движения, посвященных геноциду) // *Айказян айкагитакан андес* (Арменоведческий журнал "Айказян"). Бейрут, 2000. Т. 20. С. 269–306 (на арм. яз.).
- Марутян 2001 – Марутян А.Т. Венки-плакаты (геноцид и иконография армянской идентичности) // *Андес амсоря* (Ежемесячный журнал). Вена, 2001. С. 355–407 (на арм. яз.).
- Открытие памятника 1967 – Открытие памятника, увековечивающего память жертв геноцида 1915 года // Газета "Советакан Айкастан" ("Советская Армения"). 1967. 30 нояб. № 279 (14240) (на арм. яз.).
- Тер-Минасян 2001 – Тер-Минасян А.А. Размышления Сильвы Капутикян на полпути и после // ВОН. 2001. № 1. С. 180–185 (на арм. яз.).
- У памятника 1975 – У памятника жертвам геноцида // *Патма-банасиракан андес* (Историко-филологический журнал). 1975. № 2. С. 79–80 (на арм. яз.).
- Хачатрян 2006 – Хачатрян Ю. Великолепное десятилетие (1955–1965) // Приложение "Азг-Кульгура" № 12 к газете "Азг" ("Нация"). 2006. 2 сент. № 167 (3570) (на арм. яз.).
- Элларян 1976 – Элларян И.Б. Памятники бессмертия. Ереван, 1976 (на арм. яз.).
- Bagdasarov 2006 – Bagdasarov Z. Campus Commemorates April 24th – Armenian Genocide Memorial Day With Solemn Ceremony // *Hye Sharzhoom / Armenian Action*. May 2006. Vol. 27. № 4 (94). p. 1, 8.
- Bagdasarov 2007 – Bagdasarov Z. Fresno State Community Commemorates April 24 With Solemn Activities at Free Speech Area // *Hye Sharzhoom (Armenian Action)*. May 2007. Vol. 28. № 4 (98). P. 1, 8.

- Bagdasarov, Ekezyan* 2003 – *Bagdasarov Z., Ekezyan M.* ASO Marks Armenian Genocide day With Commemorative Events // *Hye Sharzhoom (Armenian Action)*. May 2003. Vol. 24. № 4 (82). P. 1, 5.
- Carr* 2003 – *Carr G.* War, History, and the Education of (Canadian) Memory // *Contested Pasts: The Politics of Memory* / Ed. K. Hodgkin, S. Radstone. L.; N. Y., 2003. P. 56–78.
- Jabagchourian* 1999 – *Jabagchourian J.* ASO Marks April 24th Genocide Day With Rally // *Hye Sharzhoom (Armenian Action)*. May 1999. Vol. 20. № 4 (66). P. 1, 4.
- Karkazian* 2005 – *Karkazian N.* 90th Anniversary of the Armenian Genocide at Fresno State // *Hye Sharzhoom (Armenian Action)*. May 2005. Vol. 26. № 4 (90). P. 1, 5.
- Nadkarni* 2003a – *Nadkarni M.* The Death of Socialism and the Afterlife of its Monuments: Making and Marketing the Past in Budapest's Statue Park Museum // *Contested Pasts...* P. 193–207.
- Smith* 1998 – *Smith B.R.* Art and History of Washington D.C. Florence (Italy), 1998.
- Tataryan* 2004 – *Tataryan H.* April 24th Commemoration Takes Place on Campus to Honor the 1915 Armenian Genocide // *Hye Sharzhoom (Armenian Action)*. May 2004. Vol. 25. № 4 (86). P. 1, 8.
- Wagner-Pacifici, Schwartz* 1991 – *Wagner-Pacifici R., Schwartz B.* The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past // *The American Journal of Sociology*. 1991. Vol. 97. № 2 (Sept.). P. 376–420.

H.T. Marutian. The Monument to Genocide Victims in the Context of Armenian Remembering Rites

The article is an analysis of the place of the monument to genocide victims in the context of Armenian remembering and mourning rites. The author discusses various problems surrounding the construction of the monument and argues that the tradition of annual pilgrimage to the monument, which emerged afterwards, came to be a specific manifestation of an ancestor cult that rested on both social memory and national rituals.

ЭО, 2008 г., № 3

© Ц. Дариева

ОТ МОЛЧАНИЯ К ГЛАСНОСТИ. РЕКОНФИГУРАЦИЯ ПАМЯТИ ОБ АРМЯНСКОЙ УТРАТЕ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АРМЕНИИ¹

В данной статье речь пойдет о трансформации репрезентации памяти об армянской утрате и изменении практики мемориализации в независимой Армении. Один из переломных моментов при создании новой национальной идеологии в постсоветской Армении – идея восстановления памяти и справедливости об армянском *yeghern* (горе и траур) в мировом масштабе, переосмысления и признания замалчиваемой и "забытой" человеческой потери в контексте морального очищения. Процесс постсоветского морального "очищения" в Армении включает в себя официальные требования по оценке вины и признание ответственности при установлении "исторической истины и правосудия" в связи с массовым уничтожением армян во время Первой мировой войны на территории Османской империи.

При этом я хочу привлечь внимание к тем особенностям постсоветской мобилизации памяти, которые необходимо прочесть не только в известных терминах постком-

Цыпылма Дариева – лектор и ассоциированный сотрудник кафедры европейской этнологии Университета им. Гумбольдта (Берлин); e-mail: tsyrylma.darieva@staff.hu-berlin.de